

РЕЦЕНЗИИ

**W. Schneider-Deters, P. W. Schulze, H. Timmermann (ред.),
*Die Europäische Union, Russland und Eurasien. Die Rückkehr
der Geopolitik*, Berliner Wissenschafts-Verlag, Berlin 2008, 656 с.**

Авторитетное берлинское научное издательство недавно опубликовало обширную книгу *Европейский союз, Россия и Евразия. Возвращение геополитики*. В ней описано политическое положение и позиция стран СНГ в международных отношениях, а также предпринята попытка их интерпретации. Эта работа заслуживает особенного внимания. К сожалению, вовсе не достоинства данной публикации привели меня к такому выводу. По сути к ней можно иметь много претензий, в особенности к части, посвященной России. Однако к этой книге стоило бы обратиться потому, что она хорошо демонстрирует определенный образ мышления о востоке Европы, особенно принятый у немецких социал-демократов, а кроме того, обнаруживает уровень компетентности в восточных вопросах некоторых преподавателей германских университетов или влиятельных экспертов и политических советников.

Книга снабжена объемными примечаниями, содержит избранную библиографию по теме, а ее авторы ссылаются на многие данные. Представляется явственным также внутреннее деление на части – посвященные России, Украине, Белоруссии, Молдавии, кавказским государствам и Средней Азии. Каждая часть состоит из глав и разделов, в которых чаще всего рассматривается внутреннее положение, позиция данной страны или региона в международных отношениях, а также ее отношения с крупными геополитическим игроками – такими, как Европейский союз, США или Россия.

Рецензируемая работа является значительно дополненной, переработанной и отредактированной версией другой, изданной несколькими годами ранее монографии, посвященной, однако, лишь восточноевропейским постсоветским государствам: России, Украине, Белоруссии и Молдавии¹. Научными редакторами книги являются три немецких *Osteuropa-Experten* старшего поколения, которые также написали три самые крупные ее части. В Польше, пожалуй, наиболее известен из них д-р Хайнц Тиммерманн – автор части, посвященной Белоруссии. Из информации об авторах можно узнать, что он связан с германской социал-демократией (в частности, писал речи для канцлера Вилли Брандта).

Еще более тесные связи с СДПГ у Винфрида Шнайдера-Детерса, второго редактора книги и одновременно автора части, касающейся Украины. Он много лет работал в Венесуэле и Сеуле в качестве руководителя местных офисов Фонда Эберта, тесно связанного с СДПГ, а в 1996-2000 гг. руководил киевским бюро этого фонда.

С СДПГ связан также доктор Петер Шульце – третий редактор работы, автор части, посвященной России. В девяностые годы он был шефом московского бюро Фонда Эберта, а в настоящее время читает лекции о трансформации постсоветских стран в Геттингенском университете. С СДПГ сотрудничали также д-р Эрнст Пиль и д-р Райнхард Крумм, которые написали части, посвященные соответственно Молдавии и Средней Азии. Кроме того, в публикации помещены тексты армянского политолога Александра Искандаряна (*Южный Кавказ*) и российской исследовательницы Ксении Боришполец (*Средняя Азия в мировой политике*). Предисловие к книге написал Эгон Бар – близкий сотрудник Брандта, участвовавший в построении его *Ostpolitik*.

Я не случайно уделяю такое большое внимание связям авторов с СДПГ или Фондом Эберта. Разумеется, политические пристрастия или деятельность в партийном фонде никого не дисквалифицирует как исследователя и не ставит под сомнение его способность к научной работе. Однако – скажем прямо – партийные связи мешают политологу сохранить исследовательскую независимость. Этот трюизм следует

¹ См.: E. Piehl, P.W. Schulze, H. Timmermann, *Die offene Flanke der europäischen Union. Russische Föderation, Belarus, Ukraine und Moldau*, Berliner Wissenschafts-Verlag, Berlin 2005.

напомнить, поскольку СДПГ давно пропагандирует определенную восточную политику, неоднозначно оцениваемую не только в Польше, но даже в самой Германии.

Поэтому, приступая к чтению работы, написанной в подавляющем большинстве членами СДПГ, которые приобрели знания о странах СНГ не благодаря научным занятиям, а преимущественно находясь в течение нескольких лет «на местах», мы почти автоматически становимся осторожными, ибо от их книги следует ожидать не самого высокого уровня содержательности и опасаться ее зараженности определенной идеологией. Мы задумываемся также над тем, претендует ли книга на научность, на что указывает ее форма, или это своего рода обширная партийная публицистика, призванная склонить читателя к принятию взглядов СДПГ на политику в отношении России и остальных постсоветских стран. В том, какие это взгляды, можно убедиться, слушая, например, высказывания Герхарда Шредера. Это стратегия, направленная на сохранение как можно более хороших и как можно более тесных связей с Российской Федерацией в надежде на то, что это облегчит проникновение западной культуры мышления в эту страну, и с убеждением, что сотрудничество с Россией в Европе необходимо по экономическим причинам и по причинам ее безопасности. Это сопровождается характерным для многих членов этой партии антимилиитаризмом и критикой политики Соединенных Штатов. По рецептам СДПГ, *Ostpolitik* является единственно правильной стратегией в отношении России, а претензии к ней, выдвигаемые, например, США и странами Центральной Европы или даже германскими христианскими демократами, должны свидетельствовать о том, что некоторые еще не сумели освободиться от оков мышления в духе холодной войны, антироссийских сантиментов или обычного империализма.

Подозрения в том, что книга не будет свободна от такого рода идеологии, к сожалению, подтверждаются до мелочей. Уже на нескольких страницах введения Бар пишет, например, что «Украина, подобно Белоруссии и Молдавии, расположена в регионе, находящемся между ЕС и Россией и по этой причине не принадлежащем ни той, ни другой стороне» (С. 19). И хотя с этим еще можно согласиться, вывод, который из этого делается, о том, что «Украина остается фактором риска [геополитического и политического]» (С. 21) несколько обескураживает. Еще менее понятны острая критика Польши, а точнее

«близнецов, которые ею правят» (слова, написанные в июле 2007 г.), за проамериканскую позицию и «мясное вето», т. е. блокирование начала переговоров по вопросу о новом соглашении между ЕС и Россией по причине эмбарго, наложенного ею на мясо польского производства (С. 21-22), или опасения, что Европа станет тренировочной площадкой в борьбе Кремля с США (С. 23). Конечно, Бар имеет право выражать собственное мнение, но то, что в кратком введении к публикации, посвященной России и другим государствам, возникшим на развалинах СССР, он счел обязательной критику политики Польши и США, весьма знаменательно.

В главе, открывающей книгу, в которой Шульце и Тиммерманн рассматривают содержащиеся в ней тезисы и выводы, есть еще больше утверждений, вызывающих протест. Мы, например, узнаем, что целью российской внешней политики не является раздел Запада и ослабление трансатлантических связей (С. 32), а в качестве обоснования этого взгляда приводится заявление, сделанное Путиным в Мюнхене в феврале 2007 г. Несколькими страницами далее (С. 41) авторы выражают мнение о том, что перед ЕС стоит трудная задача, поскольку его стратегия должна помочь восточноевропейским постсоветским странам «вести независимую политику, включающую также сближение с ЕС, но так, чтобы они не утратили своих разнообразных политических, экономических, культурных и межчеловеческих связей с Россией». Тесное сотрудничество с Россией должно быть условием стабилизации в Восточной Европе. Если Россия откажется от него, аргументируют Шульце и Тиммерманн, а ЕС не будет в достаточной степени присутствовать на этой территории, находящиеся там государства станут нестабильными, а возможно и подвергнутся атакам террористических сил.

Станным образом авторы не замечают, что Россия прилагает усилия к тому, чтобы некоторые государства, например, Украина, остались нестабильными. А аргумент о террористах просто смешон, ибо пока следов их деятельности в Белоруссии и на Украине не обнаружено. Иначе обстоит дело с Российской Федерацией – именно в ней фактически действуют террористы мусульманского толка, а борются с ними спецслужбы, которые многократно доказали, что способны использовать также преступные методы. Что интересно, несколькими страницами далее (С. 52) те же авторы выражают совершенно иное мнение. Они утверждают, что претензии

Москвы, добивающейся для себя роли силы наведения порядка в Восточной Европе, не могут быть приняты, ибо таким образом была бы одобрена новая доктрина Брежнева. Но этот довольно правильный вывод тут же обесценивают взглядом о том, что по причине «тесных экономических, а также многообразных исторических, межчеловеческих и культурных связей Евросоюз должен при формировании своей политики учитывать интересы России в этом регионе».

Подобных откровений множество. По причине узости рамок рецензии приведу лишь наиболее удивительные, например, убеждение, что восточноевропейские страны СНГ, учитывая свою энергетическую зависимость от Российской Федерации и торговые связи, должны сохранять тесные отношения с Россией, а в своей внешней политике руководствоваться принципом двухвекторности (С. 42). А что же с балтийскими странами или даже Польшей, которые также импортируют из России множество энергетического сырья? Мне трудно также понять, почему страны СНГ должны выбирать между ЕС и НАТО (С. 53), если они могут быть связаны с обеими этими организациями. Авторы внушают читателю, что выбор в пользу НАТО обрадует Вашингтон, который заинтересован лишь в том, чтобы затормозить развитие Евросоюзом самостоятельной идентичности в области внешней политики и безопасности, и напоминают в данном контексте об «опыте» ЕС с Польшей и Чехией. Они ставят также вопрос о пределах толерантности в отношении действий отдельных стран-членов ЕС (С. 53).

Такая постановка вопроса, конечно, вызывает протест. Мнение о необходимости проведения совместно с Россией «стабилизации» стран СНГ и совет им вести политику «балансирования» между Российской Федерацией и ЕС – это не что иное, как сомнение в суверенности этих государств и признание за Россией права быть их покровителем наравне с ЕС. Трудно найти больший диссонанс между идеалами свободы, демократии, гуманизма и справедливости, официально пропагандируемыми ЕС, в том числе СДПГ, и циничным геополитическим делением торта, которое фактически предлагают ее эксперты. Поражает также острая критика Польши и Чехии. Связи с США – страной, которая во всем мире, в том числе на территории СНГ, хоть и не всегда удачно, но старается пропагандировать ценности, на которые опирается ЕС, – являются поводом для обвинения в разрушении евросоюзной солидар-

ности, а пропагандируемое СДПГ тесное и фактически безусловное сотрудничество с Россией, являющейся государством, которое данными европейскими ценностями пренебрегает, должно быть похвальным и желательным. Отвечая на упреки в том, что строительство вместе с Россией балтийского газопровода нарушает евросоюзную солидарность и подвергает огромному риску польскую энергетическую безопасность, не социал-демократ Шредер ли говорил, что об «интересах Германии будет вестись дискуссия в Берлине и нигде больше»? Отметим также, что подчеркивание контраста между ЕС с одной стороны и Польшей и Чехией с другой (а это обожают делать авторы) свидетельствует об их убежденности в том, что настоящий ЕС – это в принципе лишь «старые» государства.

Надеющемуся на то, что следующая часть книги, посвященная России, будет написана более взвешенно, не повезет. Впрочем, трудно удивляться, если и ее написал Шульце. В этой части произведения геттингенский политолог выдвигает главный тезис о том, что правление Ельцина в России были периодом хаоса, а времена Путина стали эпохой порядка и борьбы с преступным олигархами. При этом он замечает, что «население и нынешние властные элиты в большинстве своем поддерживают политические цели президента [Путина]: создание России, сильной экономически, открытой для общества, политически стабильной и по мере возможности также демократической» (С. 122). Шульце принял также следующий тезис: по его мнению, национальный шовинизм, империализм и советизм – явления, которые не встречаются в среде новых российских элит: «Они не питают имперских, шовинистских иллюзий. Они не привязаны к советским традициям. Совсем наоборот: они либо оторвались от советских корней, либо происходят из молодых кадров, мобилизованных лишь в фазе перестройки или в начале ельцинской эпохи» (С. 121). Автор лишь мимоходом замечает, что «модны националистические, евразийские и антизападные позиции» (С. 121), чем сам себе противоречит: шовинизма нет, а национализм есть.

Прочитав эти высказывания, подумаем, действительно ли Шульце так бесконечно наивен, полагая, что российские, а также украинские и белорусские элиты не опираются на советские традиции. Наверное, каждый, кто хотя бы немного знает русских, замечает у них тоску по временам, когда СССР был сверхдержавой. Возвращение Путиным при общественном

одобрении советского гимна может быть лучшим доказательством этому. *Homo sovieticus* дремлет даже в большинстве молодых людей в этих странах, хоть они этого, возможно, и не осознают. Неужели цинизм, стремление к личной выгоде, падение этоса государственной службы, коррупция, ложь, неверие в то, что в жизни есть нечто более важное, чем власть и деньги, неужели эти так характерные для постсоветских элит черты не происходят по прямой линии из позднесоветской действительности эпохи Брежнева, когда противоречия между официальными лозунгами о строительстве коммунизма и реальностью коррумпированной, прогнившей империи склоняли к тому, чтобы принять именно такой кодекс моральных ценностей? Неужели не влиятельный и еще довольно молодой российский политик Анатолий Чубайс бросил клич построения «либеральной империи»?

Трудно не признать хотя бы частичную правоту автора, когда он описывает патологию первых лет после распада СССР. Но, с другой стороны, в России в девяностые годы наблюдались также положительные явления. Замалчивание их при преувеличении патологий, сопровождавших трансформацию, и расхваливание стабильности после 2000 г., а также апология свершений «кристально чистого демократа» Путина было до сих пор характерно для кремлевских чиновников, идеологов, журналистов и Герхарда Шредера.

Надо все же отдать должное Шульце, заметив, что некоторые его наблюдения, касающиеся России и ментальности ее общества, довольно точны. Он сумел также раскритиковать те или иные «неправильности», но все бледнеет перед лицом его идеологизированных тезисов. В частности, он утверждает, что первоначальная открытость российского общества была ограничена, а СМИ приведены к единообразию и перешли из-под контроля олигархов под государственный надзор (С. 154-155). Он лишь не делает из этого вывод об ответственности российских властей, которые нарушают такими действиями конституцию и многие другие правовые и общественные нормы. Шульце приходит к другому заключению: российское общественное мнение ныне подвержено дезинформации, как это происходит на Западе (*sic!*).

Нетрудно догадаться, что такое обожание путинской России должно сопровождаться критикой таких государств, как Польша, Украина или Грузия, в которых убежденность в чистоте целей российского лидера является – мягко говоря –

менее распространенным. Шульце постоянно обвиняет элиты стран СНГ, например, в коррупции – таких обвинений он не предъявляет лишь элитам России. Он считает, что политика сближения с НАТО, ведущаяся президентом Грузии Михаилом Саакашвили, является провокационной (С. 188). Критикует «мясное вето» Польши (С. 136) и обвиняет власти в Варшаве, Праге и Будапеште в затруднении нормализации отношений с Россией. Государства Центральной Европы являются для Шульце организационным авангардом США на Кавказе и местом кристаллизации антироссийских настроений (С. 176). Польша и балтийские страны к тому же критикуются им за то, что «используют спорные исторические вопросы с той целью, чтобы затруднить нормализацию отношений с Россией, и тем самым подкладывают взрывчатку под НАТО и ЕС» (С. 137). Естественно, автор нигде не анализирует и даже не пытается представить доводы этих государств, не говоря уже о том, что отнесение скопом всех стран Центральной Европы к антироссийскому блоку к тому же свидетельствует о плохой осведомленности в специфике региона: ведь правительство Венгрии и в некоторой степени также Словакии находится в хороших отношениях с Кремлем.

Перечисление такого типа диковинок можно бы продолжить, добавив к этому список ошибок Шульце, например, на С. 177 или 184, когда он называет Европейскую политику соседства то Политикой ЕС нового соседства, то Новой политикой соседства ЕС, или на С. 186, где он пишет, что война в Нагорном Карабахе началась в 1994 г., хотя, как известно, тогда данный вооруженный конфликт как раз закончился.

Таким образом, следует признать, что взгляды геттингенского политолога гораздо ближе к утверждениям многократно им цитируемого кремлевского идеолога Владимира Суркова, чем к мнению о России, распространенному в демократических странах.

Если Шульце является закоренелым сторонником Путина, то автор части, посвященной украинским вопросам, Винфрид Шнайдер-Детерс сильно идентифицируется с Украиной и зачастую провозглашает взгляды, противоречащие взглядам его партийного коллеги. Он довольно добросовестно и очень подробно описывает развитие внутренней ситуации на Украине за последние годы и внешнюю политику этого государства. Не скрывает также своих личных пристрастий: симпатизирует премьеру Юлии Тимошенко, холодно относится к президенту

Ющенко и отрицательно к бывшему премьеру Виктору Януковичу. К сожалению, он нигде не обосновывает своих до некоторой степени справедливых симпатий и антипатий. Зато часто делает ошибки, сообщая, например (С. 279), что на парламентских выборах 2006 г. Блок Юлии Тимошенко поддержало 39% избирателей (на самом деле 22%), или неправильно называя имя заведующего канцелярией президента (его зовут Виктор, а не Игорь Балого). Трудно согласиться также с утверждением, что Ринат Ахметов является владельцем Партии регионов (С. 295), на самом деле он контролирует лишь одну из ее фракций.

Иногда автор некритично повторяет взгляды, бытующие среди украинских публицистов. Он, например, пишет, что «большинство населения Украины воспринимало роспуск Советского Союза как расторжение принудительного брака с Россией» (С. 371). Однако это скорее проекция ожиданий некоторых украинских национальных деятелей. На самом деле подавляющее большинство украинцев в декабре 1991 г. голосовало за независимость, но это произошло скорее потому, что после августовского путча этого ожидали власти, а СССР и так уже распадался. В свою очередь, утверждение о том (С. 372), что лишь в 1997 г. Россия признала Украину в соответствии с международным правом, подписав с этой страной договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, свидетельствует о непонимании его основных принципов. Удивляет также замечание, что после 2004 г. в Галиции оживились сепаратистские настроения (С. 251). Если уж так, то на востоке Украины, потому что именно Галиция очень ценит идею *соборности*, т. е. единства всех украинских земель. Наконец, трудно согласиться с мнением, что на Украине большая часть населения (кроме жителей Галиции) по-прежнему чувствует себя связанной с Россией и что там нет антироссийских настроений (С. 251). Возможно, так было в начале девяностых годов, но *tempora mutantur...*

Шнайдер-Детерс допускает много исторических ошибок, и это доказывает, что он не специалист в области Восточной Европы. Например, Червонная Русь, о которой автор пишет на С. 256, по-немецки иногда называется *Rotruthenien*, а иногда *Rotreussen*, но никогда *Rotrussland* (дословно: Красная Россия); таким же образом Подолье – это *Podolien*, а не *Padolien*. Кстати, Червонной Русью называли скорее Восточную Галицию, а не Вольшь. Из откровений, помещенных на С. 257, следует, что

для Шнайдера-Детерса *russisch* означает не только «связанный с Россией», но и «связанный с Русью», что свидетельствует о влиянии русского языка, в котором принципиально не различаются данные понятия и есть лишь слово «русский». Автор не знает также понятия *ruthenisch*. Утверждение о том, что во Втором разделе Польши принимала участие Австрия (С. 257), является очевидной исторической ошибкой. Трудно также согласиться с суждением о том, что Волынь в XIX в. была русифицирована (С. 258) или что русификация Украины продолжалась от 200 до 300 лет, а полонизация – от двух до шести столетий (С. 259). Политика денационализации, как утверждает автор, действительно периодически велась, особенно во второй половине XIX и в первой половине XX вв., но в истории польско-украинских и польско-российских отношений гораздо чаще происходили процессы естественной ассимиляции и аккультурации, идентификации с государственной культурой. Принятая Шнайдером-Детерсом терминология остается под сильным влиянием одного из течений украинской историографии, основанием для которого стала национальная парадигма конца XIX в. Утверждение автора, что Катынь находится в Польше (С. 395), оставляю без комментария. Кроме того, как пишет Шнайдер-Детерс, российские власти не отрицают, что СССР несет ответственность за катынский расстрел, но утверждают, что это не был геноцид.

Следует отметить, что автор решительно выступает – что не так часто у немцев – за дальнейшее расширение ЕС на восток. Он пишет: «Европейский союз имеет свою „естественную“ восточную границу, а именно границу украинско-российскую. После принятия Украины (а также Молдавии, а возможно, также и Белоруссии) расширение ЕС было бы логическим образом закончено и даже процесс закономерной „европейской“ интеграции завершился бы, ибо больше не было бы других „европейских“ кандидатов» (С. 370). Он также расхваливает ЕС за успешное посредничество на Украине осенью 2004 г. И даже подчеркивает, что Евросоюз достиг успеха благодаря Александру Квасневскому и Вальдасу Адамкусу и «несмотря на» Хавьера Солану, ответственного в ЕС за Общую внешнюю политику и политику безопасности (С. 349).

При случае следовало бы напомнить, что такой подход Шнайдера-Детерса отличается от позиции Шульце, который предполагает, что в 2004 г. Европейский союз, усиленный США, соперничал с Россией, что каждый из участников этой

борьбы вербовал своих сторонников на улицах Киева и что именно вмешательство внешних сил усилило напряженность между правящими кликами, боровшимися за власть после Кучмы (С. 171-172).

Однако Шнайдер-Детерс сожалеет, что новые члены ЕС и НАТО выступают за отделение России от Европы. Это, конечно, значительное упрощение, потому что на самом деле мало кто желает «оттолкнуть» Россию от Европы, совершенно напротив, существует стремление к сотрудничеству. Единственное препятствие – то, что условием более широкого, интенсивного, тесного сотрудничества ЕС с Российской Федерацией, а также возникновения их стратегического партнерства является соблюдение Россией принципов, которые в нашем регионе мира считаются цивилизованными и которые, кстати, многократно кодифицировались в правовых актах, обязательных также для Кремля. Следующий взгляд автора – о том, что напряженность в отношениях между Россией и ЕС зачастую подпитывается конфронтационным курсом США в отношении России (С. 396), – имеет чисто идеологический характер. Знаменательно, что Шнайдер-Детерс ссылается при этом на мнение, выражаемое своим земляком, лидером фракции социалистов в Европейском парламенте Мартином Шульцем, одним из наиболее вызывающе ведущих себя политиков в ЕС.

Так же, как Бар и Шульце, Шнайдер-Детерс остро критикует американский антиракетный щит. Он позволяет себе даже утверждение, что «двустороннее развертывание „национальных“ американских оборонных установок на европейской территории является явным пренебрежением суверенностью и территориальной целостностью Европейского союза, хотя и не существующего еще в правовом отношении, но политически желательного» (С. 397). Трудно избавиться от впечатления, что повторение такого рода взглядов гораздо эффективнее затормозит развитие евросоюзной Общей внешней политики и политики безопасности, и даже повредит сущности функционирования ЕС, которой является взаимное доверие и уважение полномочий национальных государств, чем тысячи будующих американских ракет.

Наконец, бросается в глаза, что в библиографии почти нет украино- и русскоязычных позиций, есть же написанные по-немецки названия статей, которые в оригинале выходили

по-русски и по-украински, например, в газете «Дзеркало тижня».

Часть о Белоруссии, написанная Хайнцем Тиммерманном, лучше части, посвященной Украине, и гораздо лучше части, касающейся России, что может несколько удивить читателей, которые познакомились с идеологическим введением к книге. Автор концентрируется на описании положения Белоруссии и ее отношений с Россией и западными странами. При этом он решительно выступает за диалог с режимом, а потенциально – за образование широкой коалиции разума, которая возвратит демократию, модернизирует экономику и «соединит европейскую перспективу со стратегическим партнерством с Россией и таким образом значительно ограничит возможность конфликта Белоруссии с ЕС и с Россией, а в некоторой степени и между этими двумя последними акторами» (С. 463-464).

По мнению Тиммерманна, диалог с режимом, кроме применения санкций, является одним из двух путей поведения ЕС в отношении Белоруссии, хотя без выполнения определенных условий президентом Лукашенко и без участия в этом диалоге белорусской оппозиции он фактически будет служить лишь укреплению режима. Конечно, автор имеет право провозглашать такие взгляды, ныне довольно частые в ЕС. Удивляет, однако, его убеждение (С. 470), что однозначная направленность Белоруссии на сотрудничество либо с Россией, либо с Евросоюзом угрожала бы внутреннему миру в этой стране. Белоруссия – не Украина, она не состоит из кусков, веками принадлежавших к разным культурным кругам. В ней нет сильной языковой дифференциации. Правда, существуют некоторые различия между Западной Белоруссией, остающейся под сильным влиянием польской культуры, и Восточной Белоруссией, более советизированной, но они гораздо меньше, чем на Украине. Кроме того, если принять во внимание белорусскую ментальность, особенно укоренившуюся у белорусов покорность властям, то возможный проевропейский поворот в политике этой страны не вызвал бы крупного общественного сопротивления.

Удивляет уверенность, с которой Тиммерманн выражает убеждение в том, что Россия не заинтересована в поглощении Белоруссии (С. 45 и 433), или утверждает, опираясь на результаты опросов независимых исследовательских институтов, что Лукашенко поддерживает около 50% (С. 415) или 60% (С. 422) населения страны. Не ставя под сомнение этот тезис, необхо-

димо все же заметить, что все результаты социологических опросов в Белоруссии малодостоверны. Результатам, приводимым учреждениями, зависимыми от государства, не следует верить *a priori*, а действующий в Вильнюсе исследовательский институт Алега Манаева не может проводить опросы в Белоруссии легально. Кроме того, проведение социологических опросов влечет за собой серьезный риск ошибки, поскольку белорусское общество так запугано, что значительная часть людей скорее прибегнет к самоцензуре, чем даст искренний ответ на вопрос об отношении к Лукашенко.

Раздражает также необычайно частая у Тиммерманна манера цитирования различных высказываний без приведения источников. Поэтому, например, читатель не может узнать, по какому случаю Лукашенко признал, что «немцы лучше всех разбираются в том, как из наших девушек делать проституток, а наших граждан оглушать наркотиками, и как пропагандировать педерастию» (С. 456).

В тексте о Молдавии несколько грубых фактических ошибок мы встречаем в самом начале, что заставляет серьезно задуматься над тем, действительно ли автор компетентен в этой области и есть ли смысл читать его дальнейшие умозаключения. Пиль считает, например, что верховную власть над Молдавией осуществляло Польско-Литовское Королевство (С. 485), которое на самом деле никогда не существовало. Он также утверждает, что в Молдавии с римских времен главным образом использовался латинский алфавит (С. 485), хотя на самом деле даже в самой Румынии лишь в шестидесятые годы XIX века отказались от записи румынского кириллицей, а в Молдавии подобная реформа была проведена чуть более десяти лет назад. Автор пишет также, что в Приднестровье живет несколько сотен тысяч русских (С. 488), хотя на самом деле этот регион населяет более полумиллиона людей, из которых две трети составляют молдаване/румыны и украинцы. Пиль не может даже решить, как называть описываемую страну – то использует традиционное, официальное название *Moldau* (С. 352), то употребляет русизм *Moldawien* (С. 354).

Огромным недостатком всей книги является ее очень небрежная редакция. Вина за это лежит как на самих авторах, так и на литературных редакторах. Во всех частях можно найти множество опечаток, ошибок в транскрипции или издательских непоследовательностей. Кроме того, в статьях Шульце и Тиммерманна поражает полное незнание немецкой транскри-

пции, если, например, имя Ющенко и Януковича пишется неправильно *Viktor* (С. 172), а не *Wiktor* (такую форму использует, например, Шнайдер-Детерс, в частности, на С. 247), а также тенденция к русификации украинских и белорусских имен и фамилий. Немного лучше справляется с этим Шнайдер-Детерс, который даже декларирует (С. 245), что будет использовать официальные украинские названия, но, к сожалению, и у него русизмы и полурусизмы встречаются довольно часто. Иногда же он попадает в другую западню и называет русских... на украинский манер – например, министру иностранных дел России Лаврову присвоил украинское имя Сергей (С. 348) вместо русского Сергей. Автор части, посвященной Украине, путает также польские названия и фамилии. Вместо *Gazeta Wyborcza* он пишет *Wyborzcza* (С. 313), имя бывшего польского президента записывает как *Alexander* (С. 337; по-польски *Aleksander*. – Прим. переводчика), а политика Пис Михала Каминьского называет Михаэлем (С. 362).

Раздражает также манера – часто встречающаяся в статье Шульце (в частности, на С. 92, 132, 159 и 179), но и в части, написанной Шнайдером-Детерсом (С. 311), – цитирования высказываний политиков не по-немецки или в оригинале, как это принято в научных работах, а... по-английски. Трудно вообще найти оправдание таким якобы научным методам. Опасения ли перед самостоятельным переводом на немецкий с русского приводят к тому, что авторы ищут легких путей и берут готовые официальные переводы на английский? А может быть, просто слабо знают русский, хотя изредка ссылаются на публикации на этом языке?

Небольшие рамки рецензии и недостаточная компетенция ее автора в вопросе об остальных странах СНГ вынуждают на этом закончить рассмотрение книги. Следует, однако, заметить, что – как представляется – в части, написанной армянским политологом, гораздо меньше ошибок, чем в текстах немецких соавторов. Тем не менее именно части, посвященные России, Белоруссии и Украине, представляют собой стержень всей книги. Однако после их прочтения напрашивается довольно неприятный вывод. Книга – несмотря на много интересных фрагментов, ценных данных и в общем прилично написанной белорусской части – в целом не соответствует ожиданиям читателей. Слишком много в ней фактических ошибок, идеологизированных и бездоказательных тезисов, а также редакционной небрежности как с точки зрения содержания,

так и языкового оформления, чтобы потратить более 50 евро на труд, «опубликованный при доброжелательной поддержке Фонда Эберта». Я сожалею об этом, потому что обширная монография о странах СНГ нужна как в Германии, так и в Польше, где нет еще ни одной сопоставимой с этой публикации. Кроме того, по крайней мере несколько авторов вложили много труда в свои статьи, которые теперь читатели могут оценить, глядя сквозь призму идеологии, пышущей из других частей этого произведения.

Несомненно, к этой книге должны обратиться люди, желающие знать, что думают о России и Восточной Европе связанные с немецкими левыми эксперты или некоторые преподаватели университетов в Германии. Этим читателям легче будет понять, почему так различаются немецкие и польские взгляды на Россию и пространство СНГ. Это даст им также возможность лучше подготовиться к возможной дискуссии.

Лукаш Адамски

Wojciech Zajączkowski, *Rosja i narody. Ósmy kontynent. Szkice z dziejów Eurazji*, Wydawnictwo MG, Warszawa 2009, 256 с.

Книги по истории России представляют собой, как правило, политическое повествование, которое ведется с позиций царского двора или коммунистической власти Кремля. Прошлое России/СССР представлено в них глазами царей или генеральных секретарей. Кроме того, вторым весьма показательным способом описания и объяснения прошлого России является изображение истории страны сквозь призму истории русского народа. Другие регионы России, вместе с проживающим там населением, воспринимаются чаще всего лишь как фон, если они вообще появляются. Главной ареной событий становится московско-петербургский центр, а главным героем – русский народ. Большинство историков и исследователей России почему-то забывают о том, что, начиная с XVI в., Москва/Россия была многонациональным государством, в котором в результате очередного завоевания земель и территориальной экспансии доля русских в общем населении постепенно уменьшалась при одновременном

увеличении национального, культурного, религиозного и цивилизационного разнообразия.

Войцех Зайончковски в своей книге «Россия и народы. Восьмой континент. Очерк истории Евразии» показал, что историю России можно описать не сквозь призму политической наррации, а с позиции населяющих ее народов. Автором публикации является польский дипломат, политолог и историк, который многие годы занимается изучением этнических вопросов в Российской империи/СССР/Российской Федерации. Уже во вступлении Зайончковски пишет, что ученые-историки России, как правило, недооценивали или даже игнорировали значение народов, населяющих территорию этой страны, а «серьезные исследования роли полиэтничности в истории России начались лишь в 90-е годы XX в.» (С. 5). Именно такой подход мы встречаем как в русской, так и в западной историографии. Росту значимости этнического фактора в истории России способствовал распад СССР, когда всем уже стало ясно, что именно этот фактор стал одной из основных движущих сил данного процесса. При этом Зайончковски отмечает, что преобладающий ныне взгляд на историю России не является достаточным основанием для того, чтобы объяснить ее и процесс исторической эволюции. На этой основе и возникла работа «Россия и народы», которая – как утверждает сам автор – представляет собой не синтез событий прошлого в России и не научный труд, а исторический очерк, целью которого является «проследить нерусское измерение прошлого России» (С. 6).

Автор публикации накопил богатый научный опыт, позволивший ему разработать тему «Россия и населяющие ее народы». Ранее он проводил исследования таких этнических групп, как башкиры, буряты и татары; их результаты представлены в работе, посвященной изучению роли национальной интеллигенции трех регионов России². В 90-е гг. Зайончковски работал в Центре восточных исследований и в Фонде имени Стефана Батория, где занимался русской тематикой, в том числе и этническим вопросом. Последние десять лет он работал дипломатом в посольстве Польши в Москве, Киеве и Ашхабаде, а также директором Департамента восточной

² W. Zajczkowski, *W poszukiwaniu tożsamości społecznej: inteligencja baszkirska, buriacka i tatarska wobec kwestii narodowej w Cesarstwie Rosyjskim i ZSRR*, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, Lublin 2001.

политики МИД. В настоящее время посол Польши в Бухаресте. Благодаря его практическому опыту и высоким профессиональным качествам (в частности, следует особо отметить глубокое знание публикаций российских авторов по этническим вопросам и истории России) читатели получили возможность познакомиться с работой, отличающейся своей оригинальностью и уникальностью в польской специальной литературе.

Книга «Россия и народы» разделена на восемь глав, представляющих собой - сквозь призму этнических отношений - хронологическое описание истории государства и русской территории, которая затем вошла в его состав. Исходной точкой является нашествие монголов на Русь и создание монгольской империи впервые на данной территории Евразии. Секрет успеха монгольского государства (и в том числе - удержания под своей властью значительной части русских земель в течение свыше двухсот лет) кроется в том, что Чингисхан прекрасно понимал значение слов, произнесенных одним из его советников: «Можно завоевать империю сидя на коне, но нельзя с коня управлять ею» (С. 15). Монголам удалось не только создать одну из величайших империй в истории, но и организовать ее, создавая сеть дорог, курьерскую службу и налоговый режим. Лояльность по отношению к властям - таков был основной принцип жизни подданных, который позволял им сохранять свободу, включая и религиозную. Вслед за многими другими историками Зайончковски полагает, что переломным моментом в истории данного региона стало поражение князя Витольда (Витовта) в битве на Ворскле в августе 1399 г. В его результате Великое княжество Литовское отказывается от планов завоевания остальных древнерусских земель и на протяжении следующих десятилетий постепенно уступает место Москве, которая, в свою очередь, все более и более освобождается от монгольского ига. В 1462 г. Иван III прекратил выпуск монет с портретом хана, а в 1480 г. объявил себя суверенным правителем. Семь лет спустя московские войска впервые совершают успешный поход на Казань.

В следующей части книги автор описывает масштабную территориальную экспансию России и рассматривает причины, вследствие которых Московскому княжеству удалось создать самое крупное в истории государство. По его мнению, трудно усматривать источники экспансии России в трех наиболее распространенных интерпретационных теориях: идее

«собирания русских земель», демографической экспансии и стремлении обеспечения безопасности за счет создания оптимальных границ. Зайончковски обращает внимание читателей на другие факторы, которые предопределили территориальное развитие страны, такие как отсутствие реальных естественных препятствий в восточном направлении, необходимость обеспечения безопасности столицы, поиск более благоприятных в климатическом отношении сельскохозяйственных земель. Со временем появились новые факторы: завоевание Центральной Азии в XIX в. было, в частности, непосредственно связано с попыткой освободиться от зависимости от поставок хлопка, закупаемого в Англии; кроме того, оно было вызвано... личными амбициями некоторых генералов. Министр внутренних дел Петр Валуев после взятия штурмом Ташкента генералом Черняевым в 1865 г. в своем дневнике запишет по этому поводу: «Есть что-то эротическое в том, что творится на окраинах Империи» (С. 43). А председатель совета министров Сергей Витте сорок лет спустя заметил: «у нас в России существует страсть к завоеваниям, или, вернее, к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит» (С. 43).

Несомненным достоинством работы являются списки использованных источников. Зайончковски ознакомился с сотнями исторических трудов, дневников и документов той поры, и его умение использовать разнообразные источники информации внушает уважение, равно как и меткие цитаты из библиографических источников, которые наглядно иллюстрируют его тезисы.

Территориальная экспансия Российской империи не прекращалась до самого конца ее существования, вследствие чего страна царей на протяжении трехсот лет увеличивала ежедневно свою площадь на 128 км². Проведение разделов Речи Посполитой завершает этап «собирания русских земель» и открывает период присутствия России в Центральной Европе. Перешагнув границы Европы и Азии, экспансия охватывает и Америку. Как раз в то время, когда Наполеон входил в Москву, над русской крепостью Форт-Росс в Калифорнии был водружен российский флаг. Однако Россия не смогла удержать американские колонии, и в 1841 г. Российско-американская компания продала свою землю в Форт-Росс, а в 1867 г. Соединенные Штаты купили Аляску. Последнее расширение царской империи происходит в 1914 г., когда Тува входит под протекторат России. Как утверждает автор, никакое универ-

сальное объяснение причин российской экспансии не может быть дано. Здесь необходимо учитывать действие целого комплекса причин, в том числе и такой фактор, как идеология развития империи, который, однако, не являлся движущей силой. Успех России стал возможным благодаря ее цивилизационному превосходству над покоряемыми землями и народами на Востоке и в Центральной Азии. Подводя итог своим размышлениям о российской экспансии, автор высказывает довольно интересную мысль о том, что в данном случае превосходство возникло как результат взаимоотношений России и Европы, ибо «без Европы Российская империя не смогла бы образоваться» (С. 54).

В последующих главах книги Зайончковски рассматривает последствия масштабного территориального развития России, которая уже в XVII в. стала самой большой страной в мире. Российская империя превратилась в многонациональное и весьма разнообразное государство, и в этой связи возникли многие вопросы: как справиться с этим разнообразием? как найти общий знаменатель, который охватил бы все народы, заселяющие империю? Русский язык не мог быть таким общим знаменателем, так как многие подданные царя просто не знали его. Не лучше обстояло дело с политическим строем, ибо многие земли (в частности, Царство Польское, Финляндия, часть Центральной Азии) имели разный статус. Кроме того, возникали реальные проблемы, связанные с пространством, необходимостью общения между центром власти и периферией. Вплоть до середины XIX в. национальный вопрос не имел столь большого значения для Российской империи. Представители разных народов могли свободно пополнять ряды русской элиты. Достаточным условием было проявление лояльности к царю, не имела значения даже принадлежность к православному вероисповедованию. Самым убедительным доказательством этого является карьера князя Адама Чарторыского. Зайончковски показывает, как царская Россия постепенно начинает осознавать это широчайшее многообразие и старается делать все, чтобы с ним справиться.

Отправной точкой для эволюции национальной политики послужило убеждение царского двора в том, что неоднородность империи является одним из ключевых тормозов ее развития. Поэтому с середины XIX в. вплоть до 1917 г. в России проводится работа по постепенной унификации государственного устройства в форме русификации всех сфер жизни:

системы управления, просвещения и религиозной жизни. Данный процесс сопровождался унификацией принципов организации и общественного строя земель. В то время началось сознательное преобразование России в русское национальное государство, которое царь Александр II назвал «продолжением завоеваний». Одним из проявлений рождающегося русского национализма стала «История государства Российского» (1816 г.) Николая Карамзина, в которой культивировалась гордость за достойное прошлое. Чувство гордости за победу над Наполеоном дополнительно содействовало осознанию своеобразия русского государства. Символом рождающейся «русской идеи» стала другая историческая работа – «Россия и Европа» Николая Данилевского, в которой автор указывал на глубокие различия между царской империей и остальными европейскими государствами, а также воспевал идею нравственного превосходства «русскости». В результате такого активного процесса Россия в конце XIX в. стала превращаться в национальное государство, в котором русские становятся привилегированным народом. Русскость и царь начали использоваться как связующее империю вещество.

После падения царской России и победы большевиков произошли революционные изменения политики в отношении народов, населяющих коммунистическое государство. Зайончковски убедительно показывает, как умелое использование Лениным национального вопроса в политической игре стало одним из решающих факторов победы революции и поражения «белых». Последние не понимали значения многоэтничности, они продолжали политику Российской империи и в результате оттолкнули от себя другие народы – грузин, украинцев, башкир, казахов, финнов и т. д. Большевики с самого начала понимали, что они одержат победу, если им удастся привлечь на свою сторону нерусские народы. Одним из самых значительных вызовов новой власти становится попытка примирения великорусских настроений с ожиданиями других народов. Коммунисты, по мнению автора, «блестяще разыграли эту партию» (С. 186). Они приступили к строительству империи по совершенно другой схеме, чем та, которая просуществовала на протяжении последних десятков лет царской России. При советской власти фундаментальным принципом стало право народов на самоопределение, в результате чего даже самая немногочисленная этническая группа могла рассчитывать на территориальную автономию, пусть в мини-

мальной степени. Зайончковски не скрывает своего восхищения политическим мастерством большевиков в первые послереволюционные годы. «Выдающиеся способности создателей СССР заключались в том, что они отнеслись (...) к этническому многообразию не как к врагу, а как к силе, которую можно использовать на благо революции» (С. 189). В это время расцвела культурная жизнь всех народов СССР, в том числе и даже самых маленьких, многие из них впервые в истории получили новые алфавиты и письменность.

Однако эпоха возрождения народов в СССР длилась недолго. Еще в конце 20-х гг. наблюдается отступление от политики, принятой после победы революции. Этому сопутствовали массовые репрессии в отношении этнических меньшинств, которые «окончательно положили конец мечте о народном коммунизме» (С. 200). Одним из наиболее пострадавших народов оказались поляки, проживавшие в западной части СССР и в Ленинграде. По оценкам экспертов, погибло ок. 120 тыс. поляков³. Советский Союз пошел по тому же пути, что и царская Россия. Идея этнической толерантности ушла в прошлое и в конечном итоге была забыта, а на смену ей в СССР пришло убеждение в том, что необходима консолидация, централизация и внутреннее укрепление государства. Этому должна была способствовать русификация. Зайончковски приходит к выводу, что причину такой резкой переориентации в национальной политике следует усматривать не в сталинском замысле, а скорее в логике развития СССР. Эта система не предполагала альтернативного решения. Поэтому русская культура вновь становится доминирующей, а русскость во всех своих проявлениях должна стать новым связующим веществом коммунистической империи.

Сталинская национальная политика сохранилась в почти неизменной форме вплоть до конца существования СССР. Единственное отличие – более слабые волны террора и репрессий. Партийная линия по отношению к этническому вопросу наглядно представлена в словах Никиты Хрущева, произнесенных им в Минске: «Чем скорее все мы будем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм» (С. 219). Попытки коммунистов унифицировать Советский Союз (а точ-

³ Следует обратить внимание на то, что проблема репрессий против польского меньшинства в СССР в 30-х гг. остается все еще недостаточно изученной.

нее русифицировать его) не увенчались успехом, так как национальное своеобразие оказалось несравнимо сильнее, чем классовая принадлежность. В итоге «могильщиком коммунизма стал национализм, т. е. идея, которая с самого начала существования СССР считалась смертельно опасной» (С. 247).

Важный вывод, который неизбежно вытекает в результате чтения работы Зайончковского, состоит в том, что правильное понимание национальных вопросов и этнических отношений дает один из ключей к пониманию России. Причем этот вывод действителен во все времена и относится как к прошлому страны, так и к ее настоящему. Поэтому книгу «Россия и народы» следует рассматривать не только как историческую работу, ибо она может оказаться весьма пригодной также для анализа ситуации в современной России. Вызовы, связанные с национальным многообразием, являются, как и в прошлом, важным фактором, который будет иметь решающее значение для будущего России⁴. Работа Войцеха Зайончковского способствует более глубокому пониманию данной темы, поэтому можно ее справедливо отнести к списку важнейших книг о России, изданных на протяжении последних лет в Польше.

Войцех Кононьчук

Tadeusz Sucharski, *Polskie poszukiwanie „innej Rosji”. O nurcie rosyjskim w literaturze Drugiej Emigracji, Słowo/Obraz Terytoria, Gdańsk 2008, 419 с.*

Тадеуш Сухарски заявил о себе в польском литературоведении на рубеже веков, увлекшись двумя личностями – Федором Достоевским и Густавом Герлингом-Грудзиньским, плодом чего стала очень хорошая монография о *Достоевском Герлинга-Грудзиньского*, изданная в Люблине в 2002 г. Новыми героями Сухарского стали Юзеф Мацкевич, Александр Ват, Анджей Винценз и ряд других писателей, которые попали на «бесчеловечную землю»⁵. Эти исследования завершает рецен-

⁴ Русские составляют ок. 80% населения Российской Федерации, однако их удельный вес в общей численности населения систематически уменьшается.

⁵ *На бесчеловечной земле* – заглавие книги Юзефа Чапского (1949).

зируемая мной здесь книга *Польские поиски «иной России». О русском течении в литературе Второй эмиграции*.

Сухарски сосредоточил свое внимание на произведениях, которые отразили польские испытания «на бесчеловечной земле». Их значение, как доказывает автор, заключается в умении соединить в художественном произведении польскую (и в то же время общечеловеческую) судьбу с попыткой осмысления России (не отождествляемой с СССР) и феномена совдепии. Сухарски убеждает, что произведения, занимающие важное место в польской литературе и ставшие существенным вкладом в польско-русский вопрос, являются также значимой частью мирового руссиеведения и советологии.

В поле зрения автора оказались произведения как лагерной литературы, имеющие характер личного документа (Юзеф Чапски, Беата Обертыньска, Вацлав Грубиньски, Анатолий Краковецки, Ежи Гликсман), романы, написанные в эмиграции, в которых русская тема является сюжетной доминантой (Юзеф Мацкевич, Мариан Чухновски, Гереминя Наглерова), так и многочисленные эссе, посвященные России и русской литературе (Чапски, Герлинг-Грудзиньски, Ват). Сухарски сосредоточивает внимание на текстах, которые отходят от стереотипной польской трактовки «дома порабощения». Принудительное пребывание в советском государстве, как правило, укрепляло поляков в атавистической ненависти к России, не позволяющей различать русскость и советскость. Национальные вопросы мешали им увидеть общечеловеческие ценности. Сухарски же находит такие тексты, в которых национальные предубеждения преодолены. Он анализирует эти тексты, чтобы выявить попытки преодоления как «наследственной» ксенофобии, так и неприязни, ставшей результатом политики советского террора по отношению к польским гражданам (также по отношению к евреям).

Существенным является определение автором в начале работы категории «иной России», благодаря чему ему удалось наметить пространство ее поисков. Ссылаясь на заглавие книги Герлинга-Грудзиньского (*Иной мир*), Сухарски утверждает, что «иная Россия» в «ином мире» обозначает Россию «восстановленного Декалога», Россию, духовно близкую польским лагерникам. Их основным переживанием стала встреча с человеком, который освободился от «героизма рабства» и не дал зачислить себя в категорию *homo sovieticus*. Сухарски

доказывает, что увидеть в русском человеке друга, а не раба и врага – это первый этап нового польского взгляда на Россию.

Новым пространством «иной России» для польских авторов, как утверждает Сухарски, была самиздатская и эмиграционная русская проза, продолжающая великолепные традиции дореволюционной литературы. Благодаря ей свидетели польского опыта на «бесчеловечной земле» могли убедиться, что их тюремно-лагерные наблюдения и размышления не были пустой мечтой. Они могли также показать необыкновенную трансформацию, которая совершалась в жителях советской империи.

Книга Тадеуша Сухарского выходит из печати в особенный исторический, лишенный доминирующей роли восточного соседа, момент польско-российских отношений. Мы хотим сотрудничать с Россией, хотим быть с ней на равных, но не умеем, однако, освободиться от чувства неприязни по отношению к русским, не умеем выработать принципы «нормального» общежития. Слишком часто мы не в состоянии увидеть в русском россияnine достойного человека, скорее ссылаемся на недобрый стереотип грязного, пьяного азиата, извечного раба, не хотим замечать либеральных и гуманистических традиций в истории России, не хотим знать ее великолепной культуры. Книга же Сухарского является важным шагом в преодолении этих национальных пороков и идиосинкразии. Он показывает то течение в польской эмиграционной литературе, которое противостоит нашей русофобии, которое подчеркивает героизм многих русских, их бунт против коммунистического террора. Антисоветская польская литература в эмиграции, как убеждает нас Сухарски, не несет за собой новой волны русофобии. Польские писатели, несмотря на их жестокий и болезненный опыт в советской «тюремной цивилизации», отмечали такие типы поведения, которые верны гуманистической традиции русской мысли. «Советский», в понимании этих авторов, не обозначает «русский», а советская «бесчеловечная земля» – это ни в коем случае не то же самое, что Россия. Писатели отвергают «концепцию» России как «школы унижения», наследником которой должен был стать Советский Союз, они стремятся доказать, что Россия – это «также мир борьбы и любви человека».

Сухарски, осуждая советскую действительность, защищает русскую культуру и по следам своих героев находит несоветскую «иную» Россию. Благодаря этому он заслужил

уважение многих русских полонистов, а также западных русистов из круга *International Dostoevsky Society* – общества, членом которого он является.

В польской истории литературы до сих пор не было книги, представляющей и анализирующей проблему польских поисков «иной России». Есть книги, показывающие эту Россию, но нет работы, осмысливающей польское отношение к ней. Эта проблема затрагивалась в работах, синтезирующих польскую эмиграционную литературу, но лишь на полях общих рассуждений. Эти работы сосредоточивались на описании феномена польской лагерной литературы, на ее отношении к мартирологической традиции, но в них нет раздумий о польском понимании «иной России», о присутствующем в произведениях растождествлении России и Советского Союза. Нет также раздумий о значении этого растождествления для эмиграционных писателей. Ибо они верили, что «иная Россия» – это единственный шанс на проведение изменений не только в СССР, но также во всех государствах, находящихся в советском блоке (в том числе и в Польше). Они верили, что только с такой Россией возможно сотрудничество и реальное преодоление многовековой польско-русской неприязни. Книга Сухарского – попытка заполнить эту лауну в истории польской эмиграционной литературы.

В последние годы были предприняты серьезные исследования, касающиеся польско-русских предубеждений. Особенную активность на этом поприще проявляют историки, политологи, социологи, лучшим доказательством чего является междисциплинарный проект о *взаимных предубеждениях поляков и русских*, осуществленный в Польском институте международных дел (см. *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. PISM. Warszawa, 2006). Книга полониста Тадеуша Сухарского вполне вписывается в этот проект, развивая литературный сюжет «взаимных предубеждений», сосредоточиваясь на произведениях современной польской литературы, в которых эти предубеждения во многом преодолены, несмотря на болезненный опыт их авторов. Тадеуш Сухарски, благодаря своей книге, занял в польском руссиеведении почетное место рядом с Анджеем Дравичем, Анджеем Валицким, Ежи Помяновским, рядом с такими авторами, которые всегда были в состоянии отличить русскость от советскости.

